

ТАТУИРОВЩИК

A man with a backpack is seen from behind, looking out over a desolate, industrial landscape at sunset. The sky is filled with smoke and the sun is low on the horizon, casting a warm, orange glow. In the background, there are several tall chimneys and industrial structures, some of which are emitting smoke. The overall atmosphere is one of environmental decay and industrial pollution.

Виктор Метцгер

Виктор Метцгер Татуировщик

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70443379

SelfPub; 2024

Аннотация

Постапокалиптическая пустыня. Город Айшуйя, в котором каждый человек рождается с татуировкой, которая определяет его будущее. Татуировщики вне закона, их казнят, от тату нельзя избавиться или сделать новую татуировку. Тату-машинки запрещены. Главный герой – простой рабочий, который однажды, исследуя с другом древнюю Башню, находит в запечатанной комнате тату-машинку. Теперь его путь – поиск ответов...

Содержание

Находка	4
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Виктор Метцгер Татуировщик

Находка

Человеческое любопытство неистребимо.

Говард Филлипс Лавкрафт, Хребты Безумия

Я проснулся внезапно, как будто из сна меня выдернула чья-то сильная рука. Сам сон уже покрылся дымкой забвения – остались лишь обрывки: бегство по узким улицам Ай-шуйи, окрики охраны позади, запах ржавчины... Пожалуй, из сна лишь ржавчина не покинула меня окончательно – в нос ударил привычный аромат умирающего металла с примесью пустынной пыли.

Глаза привычно глянули на часы – минута до подъёма, который наступает всегда в семь утра. Выходные в нашем городе бывают редко, будто мы и не люди вовсе, а муравьи. Резкий, надрывный звон будильника прервал мои мысли. Каждый раз надеюсь обогнать своего механического мучителя и выключить его раньше, чем он издаст свой крик, но каждый раз мои же мысли ставят мне палки в колёса. Отключив бу-

дильник, я вскочил с ветхой койки. Что хорошо в издыхающем мире – заправлять постель тут вовсе не обязательно. Ну, разве что в Оазисе – говорят, там царят довоенные порядки.

Я вышел из тесной, набитой пылью комнатухи и направился в не менее тесную ванную комнату. Грязная, ржавая вода подумала секунд десять, прежде чем хлынуть в мои заранее подставленные руки. Вонь железа ворвалась в мои иссохшие ноздри, когда я принялся умывать лицо. Доктора не рекомендуют чистить такой водой зубы, но фильтрованную воду следует экономить для более важных вещей, а поэтому я взял потёртое нечто, называемое зубной щёткой, и принялся яростно втирать сероватый порошок в зубы. Опять кончается, зараза... Нужно будет сходить на Раздаточную Станцию, взять немного.

Закончив утренние процедуры, я уставился в зеркало, будто бы ожидая увидеть там кого-то ещё, помимо смуглого парня с карими глазами, редющими волосами (экология у нас крайне плохая, да) и огрубевшей кожей. В свои двадцать четыре года я выглядел на все тридцать пять, как и все здесь. Грубая работа и отвратный воздух не делают из людей красавцев. Придирчиво оглядев лицо в поисках рытвин Пустынной Чумы, я вернулся в комнатуху, чтобы одеться. Доктора уверяют, что в Жёлтой Зоне чумы быть не может, но каждый из нас, рабочих, всё равно осматривает себя. Так, на всякий случай.

Потёртая майка, грязные штаны непонятного цвета, заса-

ленная спецовка – вот и весь мой костюм. Ах да, ещё грубые ботинки, не раз спасавшие мои ноги от тяжёлых деталей машин, которые мы собираем: куски металла так и норовят упасть прямо на уязвимые части тела. Каску выдадут на месте. Надеюсь, что сегодня мне достанется шлем поновее, а не старая рухлядь с дыркой на темени и неработающим фонарём.

Заперев свой барак, я тут же влился в поток хмурых, пыльных фигур, стекающихся ручейками из всех переулков на Центральную Улицу. Утреннее солнце ещё только готовилось портить нам день, так что было достаточно прохладно, хотя и душно – в толпе ни у кого, увы, кондиционеров не имелось. Глазами я уже искал своего товарища, но тот либо задержался, что в его духе, либо же прибыл раньше меня. На этот вариант я не особенно рассчитывал, но знал: друг займёт для меня нормальную каску и полный чемодан инструментов.

* * *

Я прибыл в Цех № 77 полный радужных надежд, которым было тут же суждено рухнуть: к мастеру уже стояла очередь работяг, а другом моим и не пахло. Нахмурившись, я встал в самый конец толпы, морщась от вездесущей пыли. По привычке я стал рассматривать здание Цеха – огромный ржавый ангар с ожидающими наших заботливых рук конвейерами,

автоматонами всех размеров и мойкой в дальнем углу. Старик-уборщик, которого мы прозвали Ломик, уже боролся с тучами пыли, ругая промышленный ветхий пылесос. На моём лице мелькнула довольная улыбка, когда горбатая фигура вдруг с визгами принялась колотить заглохший пылесос, – уборщика тут никто не любил за скверный характер.

Моё веселье прервал резкий, даже болезненный удар локтем в бок. Возмущённо повернувшись, я наткнулся взглядом на весёлую круглую физиономию моего друга. Забыв о том, что я хотел сказать о ткнувшем меня и о его родословной, я улыбнулся в ответ. Мы пожали друг другу руки, потом друг принялся болтать:

– Представляешь, Милад, Эфина согласилась сходить со мной в кафе! Её родители, конечно, не в курсе, но я их не боюсь. Она сказала, отец врёт про свои связи в Оазисе...

Я хмыкнул:

– Конечно врёт, ну ты чего, Бейбут? Будь у него связи, торчал бы он в Цехе № 46? Нет! Тебя так легко обмануть, кошмар. А что за кафе? Это то самое, с дурацким названием? Как его там...

Бейбут кивнул:

– То самое. Оно называется «Пустынное Чудо».

– Из чудес там разве что редкие чистые салфетки. Уж не знаю, где Старый Айдар их достаёт и во сколько ему это влетает.

Бейбут рассмеялся:

– Экономит на еде, поди!

Я засмеялся в ответ, а потом спросил друга:

– Слушай, а чего не в «Айшуйскую Розу?» Там же на порядок лучше еда.

Бейбут вытаращился на меня как на умалишённого:

– Сбрендил? Да там один суп стоит столько, что мне месяца два копить! «Айшуйская Роза»... Ну шутник!

Пока мы беседовали, очередь дошла и до нас. Мастер сочувственно улыбнулся нам:

– Ребятки, извините, разобрали хорошее снаряжение. Вот, держи, Милад, шлем тебе, шлем Бейбуту, инструменты берите на полке, крайние. Не жульничать!

Мы понуро побрели к полкам позади мастера, попутно надев каски. Взяв инструменты, я попрощался с приятелем – сегодня он работает в другой части цеха, на сборочной ленте, а мне предстоит копаться в недрах автомата X-678-908. Поморщившись, я побрёл к рабочему месту.

* * *

Не без труда вскрыв проблемную жестянку, я привычно потянулся к обглоданным проводам, ведущим к сенсорам, отвечающим за сканирование пространства, однако с удивлением заметил, что на этот раз дело не в них. Чертыхнувшись, я принялся копаться в древних платах. Мою механическую хирургию прервал резкий голос:

– Милад, прикинь, у Коэнов родился сын с татуировкой книги!

Я вздрогнул. Этот голос принадлежал... Да, Коатлу – местному сплетнику. Отмахнувшись от него словно от мухи, я прикрикнул:

– Не мешай работать!

Однако тот и не думал униматься:

– Его забрали в Оазис! Вот бы мне так повезло!

Выпалив это, сплетник побежал рассказывать новость следующему рабочему, а я принялся изучать платы дальше, покачав головой. «Книга... Повезло мальцу, если это правда. В Оазисе жизнь хорошая, будет в кабинете сидеть да древности всякие изучать», – завистливо думал я, механически поддевая ржавую панель на груди автомата ломом. Татуировки в нашем обществе определяли всю жизнь в дальнейшем. У меня на запястье скромно красовалась шестерня, что уже с детства значило вкалывание на заводах и в цехах до конца своих дней. Учёные шишки так и не выяснили, откуда эти татуировки берутся и почему дети рождаются сразу с ними. В конце концов, бородачи из Оазиса просто объявили, что всё было придумано Древними порядка ради.

Татуировки передаются по наследству, но бывают и редкие исключения. Коэны вот рабочие, как и я, но, если верить сплетнику, у них родился сын-учёный. Пытаться менять татуировку нет смысла – она въедается в плоть и кость так, что поможет лишь отрезание руки, но за такое сразу же ссылают

в Красную Зону. Переделывать татуировки тоже запрещено, потому что...

Мой внутренний монолог прервал писк селектора, откуда по всему городу разнёсся уставший голос с регулярным объявлением: «Граждане Айшуи! Если вы нашли тату-машинку или знаете того, кто её нашёл, немедленно доложите Стражам! Присвоение тату-машинки карается смертной казнью, равно как и укрывательство нашедшего такую машинку! Будьте бдительны, и да прибудет с вами дух Великой Пустыни!»

Это объявление повторялось регулярно, как и несколько прочих. Мне всегда было интересно, как выглядит тот, кто записал эти слова когда-то очень давно. Жив ли он сейчас? О чём он мечтает? Из какой он Зоны? Впрочем, нужно работать – я так и не выяснил причину поломки лежащей передо мной машины.

* * *

Через полчаса копаний я всё же обнаружил причину – полетел гироскоп, из-за чего машина не могла ровно ходить. Я тут же сообщил о проблеме мастеру. Тот почесал голову, а потом сказал:

– Ну, Милад, придётся тебе курьером побыть. Отправись в Зелёную Зону, там, на улице Песочный Тракт, будет лавка с запчастями. Знаешь где?

Я бывал в Зелёной Зоне очень редко, но вспомнил эту лавку – я туда уже ходил за запчастями для боевого автомата. В тот раз я заблудился, вот приключений было! Я кивнул:

– Помню, мастер! Уже бывал там когда-то.

Мастер улыбнулся, а потом уселся за ветхий стол и, смочив палец слюной, достал откуда-то из-под стола пыльный бланк и механическую ручку. Что-то написав в бланке, он сунул бумажку мне в руки:

– Талон на гироскоп! Не потеряй, а то год будешь батрачить, чтобы покрыть потерю!

Я улыбнулся, забрал бланк и отбыл прочь.

* * *

Солнце уже жарило вовсю, когда я вышел из пыльного цеха на широкую улицу. Народу на ней не было – все в этот час заняты работой. Ну, мне же лучше! На секунду я остановился, вспоминая дорогу. Кажется, идти нужно через Кирпичный квартал, потом выйти на Механическую, а оттуда, напрямик до Песочного Тракта, едет трамвай. Насвистывая, я зашагал вперёд.

Кирпичный квартал встретил меня потоком пыльного ветра, забивающего глаза песком. Знай я, что придётся сегодня куда-то ехать, взял бы защитные очки. Прикрыв глаза рукой, я шагнул в тень узкой улочки. Сухая земля сменилась на склизкое нечто, являющееся коктейлем из помоев,

машинного масла, мочи и невесть чего ещё. Мои тяжёлые ботинки с отвратительным хлюпаньем входили в жижу, и этот мерзкий звук сильно контрастировал с тихим воем ветра и хлопающими вдалеке ржавыми воротами.

Я не видел, куда иду, мой взгляд был повёрнут в сторону облезлых железных листов. Уж не знаю, какому умнику пришло в голову назвать этот квартал Кирпичным, ведь кирпича в Жёлтой Зоне отродясь не бывало. Громко ругаясь и плюясь, я, наконец, вышел обратно на солнце. Вместе со мной вышла и вонь варева, по которому я всё это время шагал, – вся эта дрянь была теперь на моих ботинках. Я с отвращением принялся пинать стену ближайшего барака, стряхивая грязь, – всё равно владелец сейчас на работе. В противном случае за такие фокусы и по лицу получить можно – рабочие люди скоры на драку.

Очистив обувь, я добрался до грязного полустанка, где принялся ждать трамвай. Общество мне составили переполненная мусорка да одинокая старуха с баулом, явно пребывающая разумом где угодно, но только не здесь. Наконец, вдали послышался грохот чего-то огромного и старого. Трамваи тут были не очень приятные – настоящие колесницы из глубин Ада, провонявшие бензином и ржавчиной. Те, что работают на ядерных батареях, ездят только близ Оазиса и в самом Оазисе. Но мне ли жаловаться?

Скрипя и громыхая, рукотворный левиафан подкатил к остановке. Двери с натужным рёвом распахнулись, обдав ме-

ня жаром. Я вошёл внутрь, мельком оглянувшись на старуху. Так и сидит, глядя перед собой. Поддавшись внезапному порыву, я спросил так громко, чтобы перебить рёв ветхого дизеля:

– Бабуля, вы едете?

Старуха никак не отреагировала. Я посмотрел в сторону кабины водителя, который сквозь мутное стекло пристально изучал старуху с явно недобрыми намерениями. Наконец, он раздражённо ударил по кнопке – двери с рёвом захлопнулись, оставляя ветхую женщину на не менее ветхой остановке. Ледяная мысль промелькнула на секунду в моей разгорячённой голове: «А вдруг старуха мертва? Вдруг уже который день сидит здесь?» Это заставило меня вздрогнуть. Впрочем, трамвай тронулся, а я тут же позабыл о старушке.

Трамвай оказался абсолютно пустым. Часть сидений была вырвана с мясом – наверняка забрали на Арену, а другие выглядели так, будто развалятся лишь от касания. Шатаюсь как пьяный, я пробрался вперёд, к кабине водителя, где меня уже встречала протянутая рука. Водитель не смотрел в мою сторону, его движение было машинальным и привычным. Порывшись в карманах своих старых штанов, я вытащил погнутой медяк, который сунул в протянутую руку. Она тут же схватила монетку, как хватает свою добычу грязный мутант, а через пару секунд сунула мне бурый от пыли талон. Кашляя от пыли, я снова пошёл в конец трамвая, где сунул талон в древний дырокол. Скрипя песком внутри, тот

едва поддался моему нажатию, выбивая две рваных дырки в талоне.

Я сел возле окна, со стороны живительной тени, и, наконец, позволил себе расслабиться. Мне стало интересно: вдруг та старуха не поехала именно потому, что её иссохшие ладони не смогли бы пробить талон? Абсурдная причина, но всё же. Размышляя об этом, я уставился в грязное окно, дребезжащее с тихим звоном. За окном тянулись бесконечные ржавые бараки, вдали виднелись толстые заводские трубы. Оттуда валил мерзкий серый дым, который ничуть не добавлял здешнему воздуху чистоты. Отдельным монолитом гордо возвышалась Башня – старое строение Древних на границе Красной и Жёлтой зон. Проход туда охраняют огромные автоматы – иногда их прожектора видно ночью с крыш самых высоких барачков. Там начинается новый, полный опасностей мир...

Башня скрылась за стенами тоннеля, в который заполз трамвай. Тусклый жёлтый свет освещал путь впереди, а вот в салоне было темно – такая роскошь, как дополнительное освещение трамваев, была недоступна рабочему классу.

Наконец, трамвай выехал из тоннеля, и ушедшая было жара вернулась вместе с лучами полуденного солнца. Взору моему открылась окраина Зелёной Зоны и стена, которая отделяла её от нашей, Жёлтой. Трамвай, вздрогнув, остановился напротив КПП. Хмурый, похожий на бочку усач с красным носом ввалился в раскрытые двери, взглядом ищейки разыс-

кивая всевозможные нарушения закона. Его сонный взгляд остановился на мне, а жирный, похожий на сосиску палец тут же ткнул горячий воздух, целясь в мою сторону:

– Эй вы, там! Документы и причину, – рявкнул толстяк.

Порывшись в карманах, я вытащил талон на получение детали и свой паспорт. Толстяк, сипло дыша, деловито начал изучать бумаги, потом вернул их мне и неожиданно приветливо улыбнулся:

– Приятной поездки, работяга!

Я несмело улыбнулся в ответ, а жирдяй вывалился из трамвая, отчего махина облегченно заскрипела. Трамвай закрыл двери и двинулся дальше. Дома за окном имели пусть и потасканный, но уютный вид. Здесь жили торговцы, начальники мелких фабрик, административный персонал и далее в таком духе. Я вдруг задумался о том, что ни разу не видел татуировки начальников фабрик. Нужно будет спросить у Бейбута – вдруг он знает?

Домики за окном тем временем становились всё опрятнее. Кирпичные строения с пыльными, но целыми окнами, аккуратными крышами и пусть даже чахлыми, но кустиками радовали глаз. Спустя пару минут они сменились на лавки торговцев – трамвай свернул на Пятую Торговую. Таких улиц было здесь полным-полно. Пыльные витрины ломались от всевозможного барахла, заботливо выложенного на прилавки. Тут тебе и снаряжение, и бытовая техника, и детали для машин и автоматов. Разинув рот, я рассматривал всё это

добро так, будто бы видел впервые. Наконец, трамвай остановился напротив облезлой, но приятной на вид остановки жёлтого цвета, увенчанной пыльной табличкой с надписью «Песочный Тракт». Я выскочил на улицу, чихая от вездесущей пыли и трясясь от перешедшей на меня вибрации адского трамвая. Интересно, в Оазисе тоже есть пыль? Или там смогли решить этот вопрос?

Поискав взглядом, я увидел вдали вывеску «Фарадей – магазин запчастей». Туда я и направился, поглядывая исподлобья на редких прохожих в потёртых, но чистых костюмах. Рубашки, шляпы, галстуки... Всё это в Жёлтой Зоне надевалось лишь по праздникам и передавалось по наследству. Я невольно представил себя в костюме – то-то наш цех бы удивился! Я мечтал, как являюсь в новом пиджаке и брюках коллегам, словно божество, а те, разинув рты, смотрят на меня с восхищением и недоверием. Улыбаясь самому себе, я и не заметил, как поравнялся с нужным мне магазином.

Открыв коричневую от пыли дверь, я оповестил продавца о своём визите тихим звоном колокольчика. Остановившись на пороге, я огляделся: вокруг лежали разнообразные детали для мелких патрульных автоматов в совершенно разном состоянии. Какие-то были ржавыми – их цена была такой скромной, что я мог бы купить парочку спустя недели две работы в цехе. Другие же блестели, словно драгоценные камни. От их ценника у меня перехватило дыхание. Откуда-то из недр лавки раздался хрип:

– Сейчас, сейчас... Погодите...

Потом послышался звук падения чего-то металлического и неловкие ругательства. Так мог ругаться только житель Зелёной Зоны или ребёнок Жёлтой. Из подсобки вышел маленький старичок в забавном монокле, как на старых плакатах, которые я иногда находил в мусоре.

Старичок кашлянул и приветливо улыбнулся:

– Простите, был занят... Ну, молодёжь, с чем мы сегодня?

Он говорил так, будто бы к нему каждый день заходили рабочие вроде меня. Я поздоровался и протянул старичку талон на гироскоп. Тот почесал макушку кривыми пальцами, потом покачал головой:

– Там написано «новая», но новые кончились. Возьмёте старую деталь? Она в отличном состоянии, ручаюсь!

Я пожал плечами – дескать, не наше это посыльное дело. Пусть сами разбираются!

Старичок всё понял без слов и исчез в подсобке. Я услышал лёгкий металлический звон, громкое кряхтение, а потом продавец вернулся, держа в руках завёрнутый в ветошь гироскоп. Он положил деталь на прилавок, развернув тряпки, чтобы я мог осмотреть товар. Торговец не соврал – деталь действительно была в хорошем состоянии, пусть и слегка ржавая. Я осторожно взял гироскоп и потряс. Шарик, плавающий внутри в масле, плавно коснулся сначала одной стенки, потом другой. Значит, механизм в норме и протечки нет. Старик предложил мне коробку, но я отказался, сунув деталь

в карман. Продавец сделал пару пометок в талоне, оторвал уголок с печатью и вернул бумажку мне:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.